

**Сегодня
праздник
Болгарского
народа —
ДЕНЬ СВОБОДЫ**

Труженики цеха металлической посуды на вахте в честь 50-летия Советской власти добиваются высоких производственных показателей.

В числе передовиков здесь называют штамповщицу Клавдию Алексеевну Ивушкину. Коллектив, в котором она трудится, неоднократно выходил победителем в соревновании, выполняя нормы в среднем на 130 процентов.

На снимке: К. А. Ивушкина.
Фото Н. Нестеренко.

НАМ ОТВЕЧАЮТ

„Без огонька“

Заметка, опубликованная под заголовком «Без огонька» в газете «Магнитогорский металл» за 19 августа 1967 года, проработана на собраниях трудящихся мартеновского цеха № 2.

Критика в заметке, в основном, правильная. Работа отстающих печей разбирается в августе на цеховом комитете.

Коллектив цеха успешно справился с выполнением плана августа и покрыл задолженность по стали с начала года.

В. АБАЕВ, секретарь партбюро мартеновского цеха № 2.

**Будут
работать
лучше**

В связи с указанными в статье «Будут работать лучше» недостатками руководством отдела общепита комбината была произведена проверка фактов на месте. Виновные наказаны. Печари столовой Н-Абзакоев Н. И. Сальниковой за допущенный недочет объявлен выговор. Зав. производством Е. П. Аристов и зав. столовой А. Г. Бондарева строго предупреждены.

А. БОЙКО, начальник отдела общепита комбината.

СЧАСТЬЕ МОЕГО НАРОДА

9 сентября — это самый светлый день болгарского народа, моего народа. Это наш национальный праздник — День освобождения страны от фашистских захватчиков и установления народной власти. Это день всенародной радости, когда счастливые смех и светлые песни людей — и молодых и старых — звучат на улицах и площадях всех сел и городов моей республики.

За годы народной власти Болгария изменилась коренным образом. Из отсталой, аграрной она превратилась в страну с передовым земледелием и развивающейся промышленностью. С помощью Советского Союза было построено много заводов. Начала развиваться тяжелая индустрия, высоко в небо взманили корпуса химических цехов, а в разные страны мира непрерывным потоком идут станки, радиоприемники, телевизоры и другие машины и приборы, сделанные в Болгарии. С братской помощью Советского Союза было создано самое крупное предприятие в нашей стране — Кремиковский металлургический комбинат. За семь лет, прошедших с начала строительства этого комбината, вступили в строй ремонтно-механический и коксохимический заводы, тепловая электростанция и рудоподготовительный комплекс, две доменные печи и сталеплавильный цех (одна электропечь и два конвертора), стан «Блюминг-слябинг 1150», много подсобных цехов. В этом году начнет давать продукцию листопрокатный стан — «1700», а в будущем — трубопрокатный.

Многотысячная армия болгарских металлургов в тесном содружестве с советскими специалистами успешно овладевали современной технологией производства металла. За эту бескорыстную помощь весь болгарский народ бесконечно благодарен своему старшему брату, великому советскому народу.

Несколько раз я бывал на демонстрациях в Софии, на площади «Девятое сентября». Они всегда выражают энтузиазм ликующего народа. Здесь, с трибуны у мавзолея Георгия Димитрова, болгарское правительство и руководители коммунистической партии приветствуют трудящихся и поздравляют их с успехами в народном хозяйстве.

Величественную картину всенародной демонстрации дополняют песни и счастливые улыбки людей, торжественные звуки духовых оркестров.

Как можно забыть тот день, когда я впервые влился в строй трудящихся нашей столицы Софии. Для меня это было большим счастьем — шагать вместе с ними, улыбаться вместе с ними, петь вместе с ними. И я шагал, улыбался, пел, мы шли с поднятыми над головами знаменами, и плакатами, с портретами Маркса, Энгельса, Ленина, Димитрова. В синем просторе над площадью летели голуби, а в сердцах каждого из демонстрантов пламенела любовь к освободителям всего народа от тяжкого ига фашизма — к советским воинам.

Наступление Советской Армии у границ Болгарии воодушевило патриотов, славных партизан, которые под руководством Болгарской коммунистической партии 9 сентября 1944 года совершили антифашистское восстание и свергли ненавистную власть.

В первый день свободы мой народ встречал своих освободителей по старому традиционному обычаю — хлебом и солью. Советских солдат и офицеров встречали как братьев, им дарили цветы, приглашали в гости.

Первый день свободы, 9 сентября 1944 года, останется незабываемым и для меня. Десятилетним мальчишкой я бегал вместе с ребятами возле колонны партизан, не отставая от них ни на шаг. Народ высыпал на улицы моего родного города Пазарджика, со всех сторон кричали «Ура!» и забрасывали патриотов цветами.

На следующий день весь Пазарджик так же восторженно, как и накануне, встречал советских воинов. И когда в городе на некоторое время остановилась одна из воинских частей, первыми друзьями советских солдат стали мы, дети. Они нас обнимали, рассказывали о своей стране, о том, что оставили там своих детей, таких же, как и мы.

И вот тринадцать лет спустя мне самому довелось увидеть Советский Союз и даже жить в этой стране.

Сегодня, когда мой народ снова празднует свой национальный праздник, мы все с любовью благодарим своих советских братьев за то, что они освободили нас от фашистов, за то, что помогли и помогают нам развивать свою промышленность.

Наша дружба с советскими людьми нерушима; она дорога для каждого гражданина моей страны, для всего моего народа.

Н. КОСТАДИНОВ, болгарский журналист.

ТРУДНО БЫТЬ КОММУНИСТОМ

Я в тюрьме. Смотрю на себя со стороны. Я — коммунист, политический заключенный. Внушительно! Ничего, что отпраздновала свое шестнадцатилетие за несколько месяцев до ареста. Разве я маленькая? Возраст не измеряют только прошедшими годами. Те, кто придет после нас, захотят знать как мы жили. Они будут волноваться нашими волнениями и будут завидовать нам. Наверняка. Как мы завидуем русским комсомольцам, которые совершали революцию, сражались с врагами в гражданскую войну.

Бате* Симо говорил, что тюрьма — самое подходящее место для мышления. Обстановка настраивает на рассуждения даже не особенно умных. Не успела проверить, но еще с первого дня решила начать свой дневник. НАЧНУ сначала. Меня зовут Тиха Павлова. Я училась в шестом классе девичьей гимназии. Меня арестовали 1 апреля.

С полицейского участка нас вывели в субботу рано утром. Мы пошли по трое в строю. Мы — пятеро девушек в двух неполных рядах. Возле нас, впереди, сзади и с обеих сторон шли полицейские с прижатыми штывками. Нас вывели провожать народ. От тесной и тяжелой туристской обуви, заказанной для партизанских троп, опухли ноги, но я не отстаю от своих товарищей.

Когда поезд тронулся, вопреки угрозам и предупреждениям, мы запели. Маленькая Пенка стояла у двери вагона и спорила с полицейскими, а Клара пела приятным голосом.

Приехали до обеда. Никто из нас не был знаком с «прелестями» тюрьмы, но надеемся, что здесь будем чувствовать себя лучше, чем в карцере. Однако, когда черные железные двери захлопнулись за мной, мне стало как-то не по себе. Весь мир остался по ту сторону штывков. С трудом проглотила комочек, застрявший в горле, сняла узел свой, опустила его на мостовую. Напротив меня — серое здание с окнами, похожими на потухшие глаза. На нас сквозь решетки смотрят заключенные. Их много, очень много.

*Бате — обращение к старшему мужчине.

После обеда нам вручили обвинительные акты. Это огромное сочинение из 120 страниц; писать глупости они не поленились. Если верить акту, мы — страшные конспираторы. Какие же мы конспираторы, если среди нас есть студенты, рабочие и даже учащиеся. Тридцати из нас прокурор вынес смертный приговор. И мне тоже. За дела, которых я еще не успела совершить. Была бы я таким организатором бунта в армии, за кого меня выдают.

«Он» тоже с нами. Не думала, что встреча так взволнует меня. Даже словом не успели обмол-

Восьмью дней не ночевала дома. Пришла, чтобы переодеться. Ну и голова! Можно было послать кого-нибудь за одеждой. Потом мама пригласила меня перекусить. Не выдержала, поесть захотелось. Потому и опоздала. Если бы знала, что случится, три дня ходила бы голодной. Недоценила я врага, не было у меня конспиративного опыта, была только мальчишеская самоуверенность. Рассчитывала на себя, не оценила реально соотношение сил, а они были неравными — маленькая неопытная ремеслица и организованная мрачная сила фашизма.

Отец рассказывал мне об арестах в 1923 и в 1925 годах. Запомнила только одно — даже если тебя убьют — молчи. Но все ли твердо молчали? Разве это возможно? Знала, — придет время проверки.

В первый вечер ареста бросила дерзко Русому, этому рыжему противному фашистскому прихвостню:

— РМС!* — Не знаю, как расшифровать. Это, должно быть, какие-то инициалы. Видела их на стенах.

Едва удержалась от удара. Он, Русый, не мог лишиться себя удовольствия избить беззащитного.

Бросили меня в какое-то вонючее спальное помещение. Держали в темноте неизвестно сколько времени. Долго думала, за что меня арестовали, что им от меня нужно. Пусть они сами это скажут. Решила твердо — умру, но не проговорюсь. В эту первую ночь сравнила себя с Джордано Бруно, с мучениками прогресса, сгоревшими на инквизиторских кострах. Ха! Как выпучил глаза капитан следователь, когда я ему это сказала. Рот разинул, не ожидал такого нахальства. Его примитив-

Случайностью ли была эта минута? Бесспорно случайностью. И все-таки я сама виновата, что меня арестовали. Я знала, что в городе облава, многих арестовали.

Восемью дней не ночевала дома. Пришла, чтобы переодеться. Ну и голова! Можно было послать кого-нибудь за одеждой. Потом мама пригласила меня перекусить. Не выдержала, поесть захотелось. Потому и опоздала. Если бы знала, что случится, три дня ходила бы голодной. Недоценила я врага, не было у меня конспиративного опыта, была только мальчишеская самоуверенность. Рассчитывала на себя, не оценила реально соотношение сил, а они были неравными — маленькая неопытная ремеслица и организованная мрачная сила фашизма.

Отец рассказывал мне об арестах в 1923 и в 1925 годах. Запомнила только одно — даже если тебя убьют — молчи. Но все ли твердо молчали? Разве это возможно? Знала, — придет время проверки.

В первый вечер ареста бросила дерзко Русому, этому рыжему противному фашистскому прихвостню:

— РМС!* — Не знаю, как расшифровать. Это, должно быть, какие-то инициалы. Видела их на стенах.

Едва удержалась от удара. Он, Русый, не мог лишиться себя удовольствия избить беззащитного.

Бросили меня в какое-то вонючее спальное помещение. Держали в темноте неизвестно сколько времени. Долго думала, за что меня арестовали, что им от меня нужно. Пусть они сами это скажут. Решила твердо — умру, но не проговорюсь. В эту первую ночь сравнила себя с Джордано Бруно, с мучениками прогресса, сгоревшими на инквизиторских кострах. Ха! Как выпучил глаза капитан следователь, когда я ему это сказала. Рот разинул, не ожидал такого нахальства. Его примитив-

Случайностью ли была эта минута? Бесспорно случайностью. И все-таки я сама виновата, что меня арестовали. Я знала, что в городе облава, многих арестовали.

ный мозг не смог быстро сориентироваться.

Когда какой-то согбенный дряхлый подполковник выругался, обернулась к нему с достоинством:

— Господин, вы офицер, а не полицейский. Вы ровесник моего отца, вам это не к лицу.

Меня привязали к солдатской койке и били долго и озлобленно. Ничего не спрашивали. Били по очереди, пока хватало сил. До крови искусила губы, чтобы не кричать. Кто-то наклонился над лицом. Схватил за волосы и дернул их резко. Широко раскрытыми глазами посмотрела в упор. Не выдержал гад, отвернулся.

Потеряла счет времени, не знала, сколько продлится этот ужас. В голове все пошло кругом. Слово в кинокадре мелькнуло в глазах то белый потолок прямоугольной комнаты, то ослепительно яркая лампа, то лица палачей. Становилось плохо от неприятного кислого запаха. Кажется, они выпили много вина. Только от одного молодого офицера пахло дешевыми духами.

Вдруг показалось, что темный квадрат окна бледнеет. Наверное, мне так кажется. Жадно уставилась глазами в одну точку, будто это исключительно важно, будто от этого зависит моя судьба. Устав, палачи отошли от койки, где я лежала привязанная. Их голоса звучали издали и не понятны.

Самое главное было — рассвет. Он застал меня в небольшой пустой комнатке. Огляделась. В комнате ничего не было. Окно, напротив его раскрытая дверь. На полу соломенный тюфяк. Лежала на нем, а рядом — ученическое пальто с желтым номерком на рукаве. Нестерпимо боleti ноги, ныли руки, крепко схваченные пеньковой веревкой, но я не замечала этого, я забыла о том, что двое суток ни крошки не держала во рту. Я жадно смотрела на пробившиеся сквозь зеленые стекла окна золотые лучики солнца и радозлалась, что в свои шестнадцать лет выдержала трудный экзамен на зрелость. Они были вооружены до зубов — у меня ничего не было, кроме ненависти, но я вышла победителем в этом трудном и неравном поединке.

*РМС — подпольная молодежная организация в годы войны.